

ПОЭМА О РОССИИ

«Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись Родины, я потерял самого себя».

РАХМАНИНОВ. 1934 г.

НЕ ЧАСТО балует природа безоблачными днями горы Швейцарии... И оттого эти дни бывают особенно прекрасны: ракинувшаяся гладь Фирвальдштетского озера отражает всю прелесть скалистых берегов. Воздух, удивительно чистый, каким-то лесным ароматом, наполняет жизнь этого уголка Европы. Много людей со всех концов света приезжает любоваться сказочностью природы, многие навсегда остаются покоренными этой красотой.

В один из таких майских дней 1935 года, как и часто раньше, Сергей Васильевич Рахманинов сидел за роялем в своем имении, расположенном над озером, у обрыва, и что-то наигрывал.

Купив после долгих лет езды по городам Америки, Европы здесь землю, он исполнил свою давнюю мечту — иметь свой уголок. Имение было названо «Сенар» — туда вошли начальные слоги имени Рахманинова, его жены и буква их фамилии.

Худой, высокий, с коротко остриженными волосами, Рахманинов казался моложе своих лет,

и только серебро висков да глубокие морщины говорили, что этому человеку за шестьдесят... Шестдесят лет большой, очень сложной жизни. Последние семнадцать — годы странствий, время испытаний, душевных мучений. Пришедшая рано слава на родной земле не покидала его всю жизнь. Во всей Европе нет страны, где бы не знали и не слышали этого человека, обладающего удивительной способностью раскрывать перед слушателями вдохновенные образы борьбы, счастья, — картины природы. Музыкальные критики Англии дали ему самые щедрые слова восхищения. Ежегодные концерты в лучших залах Америки — триумфальное шествие таланта пианиста, искренности его игры, технического блеска рук, «стоящих миллионы».

Сейчас здесь, в Швейцарии, под этими руками рояль пел какую-то знакомую грустную мелодию.

Задумчивый взгляд Рахманинова был устремлен в окно, где на фоне далеких, гордо возвышающихся над изумрудной зеленью лесов, снежных шапок гор шеп-

тались три стройные березки. Он любил эти березки, эту даль — они напоминали ему бескрайние русские просторы. Но сейчас отзывались какой-то резкой болью в груди. Чувство душевной неудовлетворенности, тоска по родному краю с годами обострились. Сознание совершенной ошибки не давало покоя. Вспомнился концерт в Большом театре: первый концерт Листа, первый любимого Чайковского и свой — второй. Кажется, такого успеха больше никогда не было. Это было 25 марта 1917 года. Тогда Рахманинов не знал, что это был последний его концерт в Москве. Бурные события перевернули все. Какое-то чувство тревоги, напряженности, мысль, что музыка на долгие годы прекратит свое существование в этой стране, и он, Рахманинов, здесь будет не нужен, привели к роковой декабрьской ночи 1917 г., когда он навсегда покинул Родину. Его влекла надежда на лучшие условия для творчества. Но прошло 17 лет. Где же прежняя потребность поиска? Где вдохновение, которое так счастливо посещало его в дни юности, в годы бурного расцвета творческих сил? Неужели оно навсегда там, вместе с березовыми рощами, в запахах сенокоса, едкого дыма у костра?

Милая, родная сердцу Россия! Беззаботное детство, юность, грезы любви, радость славы — все осталось там.

...На какое-то мгновение мелодия, только что звучавшая грустно, утихла. В комнате наступила тишина. Вдруг резкий взлет... Веление судьбы, и... остаются только воспоминания. Лется русская песня. Это берущий за душу стон человеческого сердца. Постепенное нарастание, и музыка звучит сурово, с вспышками отчаяния.

Перед глазами трагические минуты разлуки с Родиной и одиночество. Почему-то в памяти звучат слова заключительного хора оперы «Франческа да Римини», написанной на родной земле.

Нет более великой скорби,
Чем вспоминать о времени
счастливым

В несчастье...

Постепенно буря в душе затихает, и нежная мелодия сладкой негой отзывается в сердце.

Перед взором картины русской природы. Дремучие северные леса окрест родного Новгорода, необозримые просторы полей. Счастливые годы учебы. И вновь лютно русской природы: любимая Ивановка, с крестьянскими покосами, ароматом полевых цветов,

с милым щебетанием лесных птиц... Как бы хотелось пасть на колени и целовать, без конца целовать родную землю!

Рахманинов не заметил упавшую на клавиши слезу, а быть может, он уже не обращал внимания на эту сентиментальность — слишком большим было горе.

А музыка звучит. Она очаровывает изысканно-утонченным русским пейзажем, не раз прежде мажорскими переданным композитором в его «музыкальных моментах», прелюдиях. Только сейчас она более грустная, безутешная. Какой-то налет мрачности, жестокости резко обрушивается, но быстро проносится мимо. И вновь спокойное течение лесной речки с глубоким отражением густых облаков...

Боясь, что вдохновение, неожиданно и сказочно посетившее его, может исчезнуть, Рахманинов быстро взял карандаш... Листы бумаги с неровными знаками, начерченными нервной рукой, появились в этот майский день на пюпитре рояля.

Ей, далекой, но всегда близкой сердцу, Родине он посвящает новую музыку. Кажется, это будет симфония... русская симфония.

Владимир СЛЕСАРЕВ.